

DOI 10.32726/2411-3417-2018-4-137-153

УДК 331; 334; 338; 339

Владимир Кондратьев

Перспективы роста мировой экономики

Аннотация. *Процессы экономического развития становятся все более сложными и глобальными. Традиционные политические и финансовые инструменты нередко уже не помогают справиться с экономическими кризисами. Многие государства стоят перед серьезными структурными проблемами. Шоки в рыночной экономике неизбежны, однако важно оценивать последствия принимаемых мер, понимать, что будет происходить в средне- и долгосрочной перспективе. Первостепенное значение в наши дни приобретают стратегические решения.*

Ключевые слова: *мировая экономика, экономические прогнозы, среднесрочные и долгосрочные перспективы, базовые факторы экономического развития.*

Краткосрочные тенденции. По мере того как глобальный циклический подъем мировой экономики приближаются к своему двухлетнему пику, а темпы роста в некоторых странах к своей высшей точке, экономическое развитие становится менее синхронизированным. В развитых странах растет разрыв в темпах экономического роста между США, с одной стороны, и Европой, а также Японией — с другой. Аналогичная тенденция наблюдается и в развивающихся странах, отражая совместное влияние таких факторов, как растущие нефтяные цены, высокие процентные ставки в США, рост торговых барьеров и политическая нестабильность. Все эти факторы привели к сокращению потоков капитала, росту издержек финансирования и давлению обменных валютных курсов, особенно в странах со слабыми рыночными институтами и высоким политическим риском.

Вследствие сокращения предложения на глобальном рынке нефтяные цены за год выросли почти на 20% и составили в сентябре текущего года около 80 долл. за баррель. Это происходило на фоне сокращения добычи нефти в Венесуэле и принятия Соединенными Штатами санкций против Ирана. Рост цен на топливо способствовал повышению темпов инфляции — как в развитых, так и в развивающихся странах. В результате в ряде стран произошло повышение процентных ставок.

Так, в США Федеральная резервная система (ФРС) в сентябре повысила базовую процентную ставку на 0,25 процентных пункта, до диапазона 2 — 2,25% годовых. Это уже третье повышение ставок в 2018 г. Решение американского регулятора совпало

Сведения об авторе: *Кондратьев Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук; v.b.kondr@imemo.ru.*

с ожиданиями участников рынка и не стало неожиданностью. Реакция рынков была преимущественно нейтральной. В базовом сценарии ФРС планирует поднять ставку еще раз на декабрьском заседании, а затем еще три раза в 2019 г. и один раз в 2020 г. Таким образом, ставка ФРС может дойти до 3,25 — 3,5%.

После последнего заседания комитета ФРС в августе 2018 г. макроэкономическая ситуация свидетельствует, что рынок труда продолжает укрепляться, а экономическая активность стабильно растет. Уровень безработицы в США остается низким, число рабочих мест увеличивается, как и расходы домохозяйств. ФРС ожидает роста американской экономики в 2018 г. на уровне 2,9% — на фоне низкой безработицы в США, стабильной инфляции в районе целевых 2% и продолжения умеренного подъема как минимум три следующих года: в 2019 г. — на 2,5%, в 2020 г. — на 2%, в 2021 г. — на 1,8% [ФРС США...].

В ведущих развивающихся странах, включая Аргентину, Индию, Индонезию, Мексику и Турцию центральные банки также подняли учетные ставки в ответ на рост инфляции, давление обменных курсов и сокращение внешних инвестиций.

Американский доллар продолжал укрепляться и с февраля 2018 г. вырос в реальном выражении более чем на 5%, в то время как японская йена и британский фунт оставались стабильными. На этом фоне валюта некоторых развивающихся стран испытала значительную девальвацию: турецкая лира за этот год ослабела на 10%; аргентинский песо — на 20% (из-за финансовых и макроэкономических дисбалансов). Бразильский реал был девальвирован на 10% вследствие более медленных, чем ожидалось, темпов экономического подъема и политической неопределенности в стране. Более слабые по сравнению с планировавшимися ранее макроэкономические индикаторы привели к 7%-ой девальвации валюты в Южной Африке.

В целом рост глобальной экономики в 2018–2019 гг. ожидается на уровне 3,7% (таблица 1).

Ожидается, что рост экономики развитых стран составит 2,4% в 2018 г. и 2,1% в 2019 г. за счет более низких темпов развития в странах еврозоны и Японии. В США эти показатели будут выше, чем в целом по развитым странам: 2,9 и 2,5% соответственно — за счет существенных финансовых стимулов в сочетании с растущим конечным спросом и рекордным снижением безработицы до уровня 1950-х годов. Однако эти факторы создают серьезное инфляционное давление и способствуют росту импорта, увеличивая дефицит платежного баланса.

В странах еврозоны ожидается заметное снижение темпов роста с 2,4% в 2017 г. до 1,9% в 2019 г., прежде всего за счет Германии и Франции. В Японии вследствие слабого частного потребления и падения инвестиций темпы роста также снизятся и в 2019 г. не превысят 1%.

Экономика развивающихся стран сталкивается в последнее время с серьезными вызовами: растущие нефтяные цены, повышение доходности американских бумаг, по-

вышение курса доллара, торговые и геополитические конфликты. Перспективы этой группы и отдельных стран зависят от взаимодействия этих глобальных сил со специфическими внутренними факторами.

Таблица 1

Ежегодные темпы прироста мировой экономики, %

	2016	2017	2018*	2019*
Мировая экономика в целом	3,2	3,7	3,7	3,7
Развитые страны	1,7	2,3	2,4	2,1
США	1,5	2,2	2,9	1,9
Германия	1,9	2,5	1,9	2,1
Франция	1,1	2,3	1,6	1,6
Италия	0,9	1,5	1,2	1,0
Испания	3,3	3,1	2,7	2,2
Япония	1,0	1,7	1,1	0,9
Великобритания	1,8	1,7	1,4	1,5
Канада	1,4	3,0	2,1	2,0
Прочие развитые страны	2,3	2,8	2,8	2,5
Развивающиеся страны	4,4	4,7	4,7	4,7
Страны СНГ	0,4	2,1	2,3	2,4
Россия	-0,2	1,5	1,7	1,8
Прочие страны СНГ	1,9	3,6	3,9	3,6
Китай	6,7	6,9	6,6	6,2
Индия	7,1	6,7	7,3	7,4
Страны АСЕАН**	4,9	5,3	5,3	5,2
Бразилия	-3,5	1,0	1,4	2,4
Мексика	2,9	2,0	2,2	2,5
Саудовская Аравия	1,7	-0,9	2,2	2,4
Нигерия	-1,6	0,8	1,9	2,3
Южная Африка	0,6	1,3	0,8	1,4
Инфляция				
Развитые страны	0,8	1,7	2,0	1,9
Развивающиеся страны	4,3	4,3	5,0	5,2

* Прогноз

** Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд, Вьетнам.

Рассчитано по: World Economic Outlook October 2018, IMF, Wash. D.C. USA

Развивающиеся страны Азии будут в 2018–2019 гг. по-прежнему демонстрировать впечатляющий экономический рост на уровне 6,5%. При этом в Китае темпы несколько снизятся (с 6,9% в 2017 г. до 6,6% в 2018 г. и 6,2% в 2019 г.) в результате ужесточения финансовой и кредитной политики и перехода к стимулированию внутреннего спроса. В Индии, наоборот, ожидается повышение темпов экономического роста (с 6,7%

в 2017 г. до 7,3% в 2018 г. и 7,4% в 2019 г.), чему будут способствовать понижение обменного курса валюты и снижение налогов на товары и услуги. Темпы роста стран АСЕАН, как ожидается, установятся на уровне 5,3% на фоне стабильного внутреннего спроса и восстановления экспорта.

Предполагается постепенное улучшение экономической ситуации в странах Латинской Америки, где среднегодовые темпы роста возрастут в среднем по региону с 1,3% в 2017 г. до 2,2% в 2019 г. Этому будет способствовать рост цен на основные экспортные сырьевые товары. Исключение составит Венесуэла, где внутренние экономический и политический кризисы привели к сокращению добычи нефти, несмотря на рост цен на нее.

Улучшаются экономические перспективы африканских стран: в Нигерии темпы роста возрастут с 0,8% в 2017 г. до 2,3% в 2019 г., а в Южной Африке, соответственно, — с 1,3 до 1,4%. В России темпы экономического роста, несмотря на повышение цен, ожидаются стабильно низкими, одними из самых низких в мире, — как из-за экономических санкций, так и из-за невнятной экономической политики.

В среднесрочной перспективе на глобальную экономику будут оказывать влияние три группы факторов. Первую группу составляют политика экономического стимулирования совокупного спроса и сдвиги на энергетических рынках. Ко второй группе относятся процесс урбанизации и старения населения, которые усугубляют текущие структурные проблемы. Наконец, третья группа факторов отличается неопределенностью и вариативностью параметров: это — технологические инновации и способность к глобальному экономическому взаимодействию.

Наиболее безотлагательной и ближайшей проблемой остается относительно слабый совокупный спрос по сравнению с имеющимися экономическими мощностями. Все ведущие экономики мира, за исключением Китая, испытывали относительно слабый спрос после глобального финансового кризиса. В борьбе со слабым спросом многие правительства и центральные банки инициировали программы фискального и монетарного стимулирования, а также политику низких процентных ставок, что, в свою очередь, привело к существенному росту совокупного долга, в ряде случаев на 50% [Debt...]. Кроме того, сохраняющиеся низкие процентные ставки обычно заставляют инвесторов искать высокодоходные и надежные активы, что создает условия для формирования финансовых пузырей и волатильности на международных финансовых рынках.

Цена на нефть к январю 2016 г. упала по сравнению с июнем 2014 г. со 112 до 34 долл. за баррель, или более чем в три раза. И хотя она выросла до 82 долл. к сентябрю 2018 г., это все еще ниже на 30% уровня 2011–2014 гг. и на 40% — уровня 2008 г. Для потребителей такое снижение предоставило желаемую передышку; для производителей же создало проблемы финансовой нестабильности. Точка безубыточности (цена нефти, при которой финансовый профицит переходит в дефицит) составляет для Кувейта 57 долл., а для Алжира — 119 долл. за баррель [Regional economic...]. Это вынуждало страны расходовать свои финансовые резервы для борьбы с кризисом, что

сокращало инвестиционную активность, в том числе вложения в энергетический сектор, особенно в нетрадиционные виды энергии.

Только еще два раза за последние 30 лет цена на нефть падала так же резко — в 1985 и 2008 г. Восстановление после этих событий было разным и поучительным для сегодняшнего времени. После 1985 г. избыток добывающих мощностей держал цены на низком уровне в течение десятилетия. В 2008 г. падение нефтяных цен было связано с финансовым кризисом; сначала цены резко упали, но затем так же быстро восстановились с ростом спроса в развивающихся странах. В настоящее время подъем оказывается более плавным, а перспективы менее определенными.

В отличие от колебаний спроса и нефтяных цен процесс урбанизации и старения населения более предсказуем и имеет своей особенностью сдвиг в сторону развивающихся стран, чего до последнего времени не наблюдалось. Возрастающее скопление городского населения и старение рабочей силы создают дополнительные проблемы, среди которых — более низкая производительность, падение спроса, растущие расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение.

Процесс урбанизации идет от Бразилии до Китая с беспрецедентной скоростью. Сельское население активно реагирует на растущие возможности промышленности и экономического роста, вес городов в мировой экономике продолжает возрастать. По данным компании McKinsey, к 2025 г. почти 50% из двухсот крупнейших городов мира будет находиться в Китае — отчетливый признак восточной направленности миграции центров притяжения глобальной экономики [Dobbs, Manijka, Woetzel]. Признавая остроту проблемы урбанизации, китайское правительство с поразительной скоростью пытается решить проблемы в области климата, поскольку загрязнение атмосферы, продуцируемое устаревшими энергостанциями и промышленными предприятиями, стало угрожать качеству жизни в городских ареалах. Индия сталкивается с аналогичными проблемами, однако пока еще не действует с той же целеустремленностью.

Рабочая сила, от которой зависит экономическая активность, стареет и сокращается. Ожидается, что к 2050 г. ее численность даже в Китае уменьшится на 11%, несмотря на рост производства. В континентальной же Европе этот процесс примет еще более драматичные формы. Среди крупнейших экономик только в США демографическая ситуация прогнозируется относительно благоприятной для экономического роста. В остальных ведущих странах мира даже повышение производительности не компенсирует образующийся разрыв. Без фундаментальных и культурных сдвигов, стимулирующих участие в производстве старших возрастных групп, неработающих женщин и иммигрантов, многие страны рискуют столкнуться в следующем десятилетии с серьезными ограничениями экономического роста (таблица 2).

Из таблицы видно, что в 2005–2014 гг. прирост населения в трудоспособном возрасте в три раза превосходил увеличение численности пенсионеров. В следующее десятилетие эти показатели практически сравниваются.

Таблица 2

Динамика рабочей силы в странах G-20*

	Прирост численности населения в трудоспособном возрасте (15–64 года), млн чел.	Среднегодовые темпы прироста, %	Прирост численности лиц пенсионного возраста (более 65 лет), млн чел.	Среднегодовые темпы прироста, %
2005–2014 гг.	300	1,0	92	2,4
2015–2025 гг.	167	0,5	166	3,2

* На страны G-20 приходится 75% мировой экономики. Сюда входят: Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Япония, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, Южная Африка, Турция, Великобритания, США и ЕС как регион.

Источник: McKinsey Global Institute, April 2015.

Роль технологических инноваций и глобальной взаимозависимости остается наименее предсказуемой. Особенно актуален вопрос, какие инновации и в каких масштабах будут генерироваться Китаем, Индией и другими развивающимися странами. Открытие рынков ускорило формирование глобальных цепочек поставок и повышение производительности, однако дальнейшее развитие этого процесса остается неясным [Кондратьев].

Технологический прогресс и инновации достигли в ведущих странах мира такого уровня, за которым наступают принципиальные структурные изменения. Цифровизация изменила сферу телекоммуникаций, медийную сферу, финансовые услуги и сектор торговли. Потребители используют мобильные устройства для доступа к расширяющемуся диапазону товаров и услуг, а бизнес встроил их в процесс промышленного производства. Инновации в робототехнике и трехмерной печати позволили как развитым, так и развивающимся странам повысить производительность и расширить промышленную базу, а также изменить модели глобальной торговли.

В то же время эти технологические инновации породили сомнения и озабоченность в отношении способностей рынка обеспечить конфиденциальность информации и защитить личное пространство. Кража данных кредитных карт, промышленный шпионаж, утечка персональных данных — все это порождает новые вопросы о безопасности информации.

Глобальная экономическая взаимозависимость за последние 20–30 лет достигла беспрецедентного уровня. Сегодня Китай, несомненно, является важнейшим центром мировой торговли. Продолжает возрастать в мировом хозяйстве роль Латинской Америки, Индии и Среднего Востока. В то же время объемы международных потоков капитала остаются заметно ниже предкризисного уровня (рис. 1).

На повестке дня остаются проблемы распространения финансовых шоков и нежелания развивающихся стран играть по глобальным правилам, установленным развитыми странами в процессе глобализации.

Учитывая все эти факторы, эксперты компании McKinsey попытались разработать четыре различных сценария развития мировой экономики на период до 2025 г. [Enriquez, Smit, Ablett]

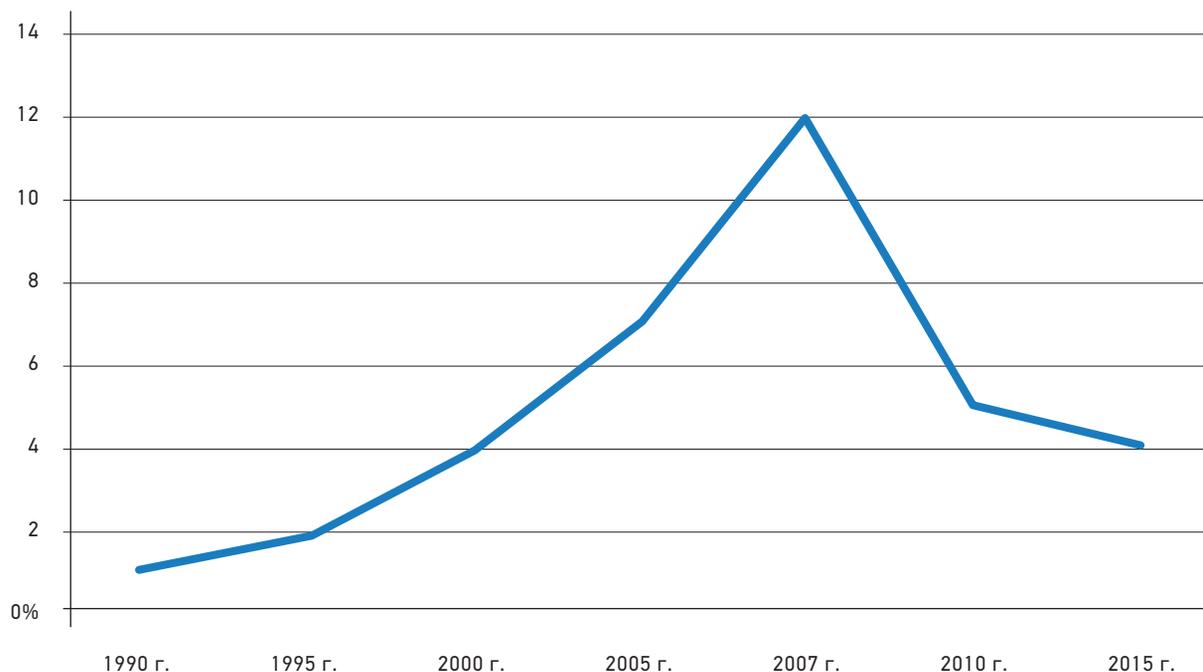

Рис. 1. Динамика международных потоков капитала*, трлн долл. (1990–2015 гг.)

* Включая прямые иностранные инвестиции, портфельные инвестиции, вложения в долговые обязательства и другие инвестиции.

Рассчитано по: Shifting tides: Global economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 1. Глобальная синхронность: дальнейшая конвергенция и быстрый рост. Мировая экономика переживает наиболее быстрый рост, аналогичный тому, какой наблюдался на протяжении последних тридцати лет, со среднегодовыми темпами 3,7%. К 2025 г. объем мировой экономики достигнет 90 трлн долл. в постоянных ценах 2015 г., увеличиваясь с 62 трлн долл. в 2015 г. При этом Индия будет оставаться наиболее быстроразвивающейся страной в мире (рис. 2).

Развитие и расширение торговых соглашений приводит к снижению барьеров на рынках важнейших услуг, возобновлению международной экономической активности и трансфера технологий. Быстрое распространение инноваций, усиленное более широкими торговыми соглашениями, повышает долю экспорта в ВВП стран двадцатки с 25 до 34% к 2025 г. при среднегодовых темпах прироста на уровне начала 2000-х годов.

Реформы финансового сектора в развивающихся странах будут способствовать формированию более прочного рынка капитала. Глобальные процентные ставки возвращаются к «старому нормальному» уровню, существовавшему до кризиса. Цены на энерго-ресурсы и сырьевые товары продолжают расти, поскольку их предложение не сможет

удовлетворить спрос со стороны развивающихся рынков. В этих условиях возобновляется рост занятости, во многих странах будет наблюдаться снижение безработицы. До 80% прироста занятости будет приходиться на Китай, Индию и другие развивающиеся страны двадцатки. В развитых странах ожидается политика стимулирования старших возрастных групп населения оставаться в составе рабочей силы как можно дольше, а также стимулирование занятости женщин и частично занятых.

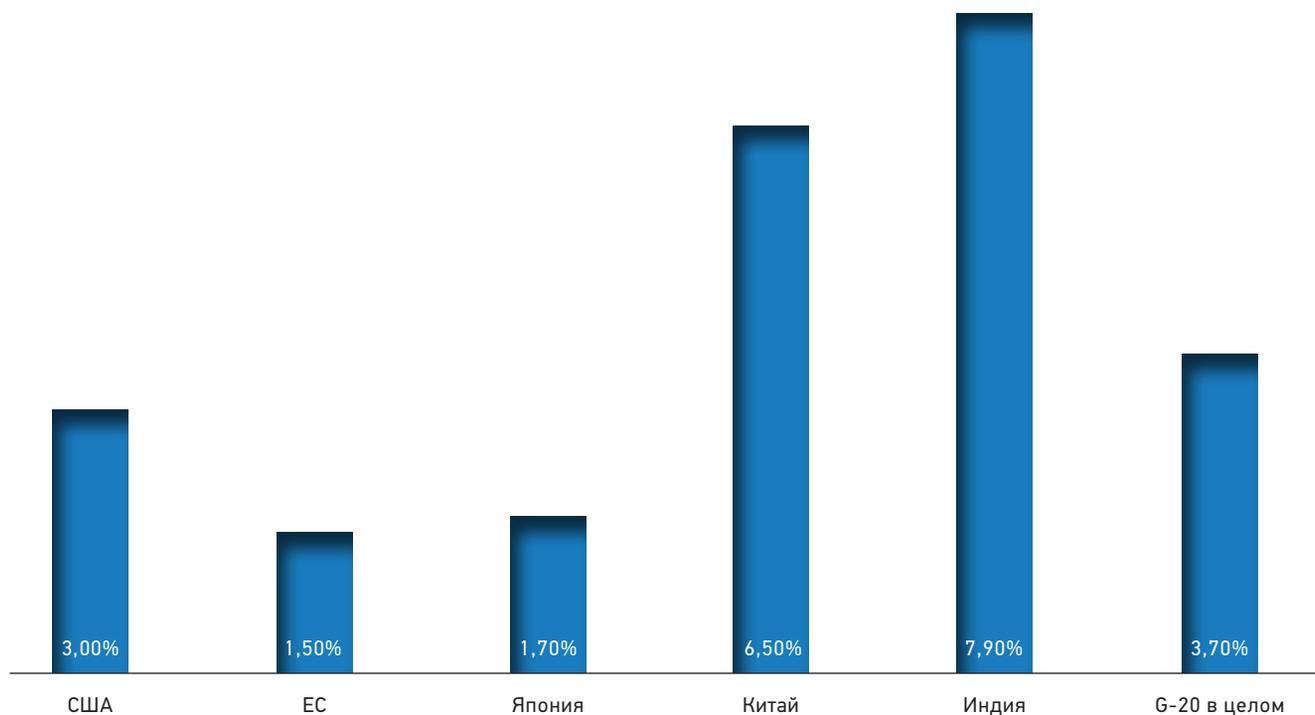

Рис. 2. Темпы роста стран G-20 при сценарии 1

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 2. Дивергенция при высоких темпах роста. Это второй сценарий с высокими темпами роста, который, однако, предусматривает неравномерное развитие различных стран. Темпы роста мировой экономики составят 3,2% в год в течение следующих десяти лет, что немного выше исторического (за последние 30 лет) уровня, и к 2025 г. объем мировой экономики должен достигнуть 88 трлн долл. (рис. 3).

При этом сценарии для США, Китая и Индии будут характерны достаточно высокие темпы экономического роста, в то время как в странах еврозоны и в Японии они ожидаются около 1% в год. Неравномерность экономического развития осложнит достижение согласия по международной защите инвестиций, интеллектуальной собственности и вопросу о сельскохозяйственных субсидиях. В результате темпы роста международной торговли замедлятся и составят 25% ВВП.

Отсутствие координации в решении структурных и финансовых проблем, а также в проведении монетарной политики может привести к нарушению функционирования

кредитных каналов и финансовых потоков. В этих условиях инвесторы будут стараться искать более выгодные и быстрые вложения, что добавит ощущение волатильности рынков и их неустойчивости.

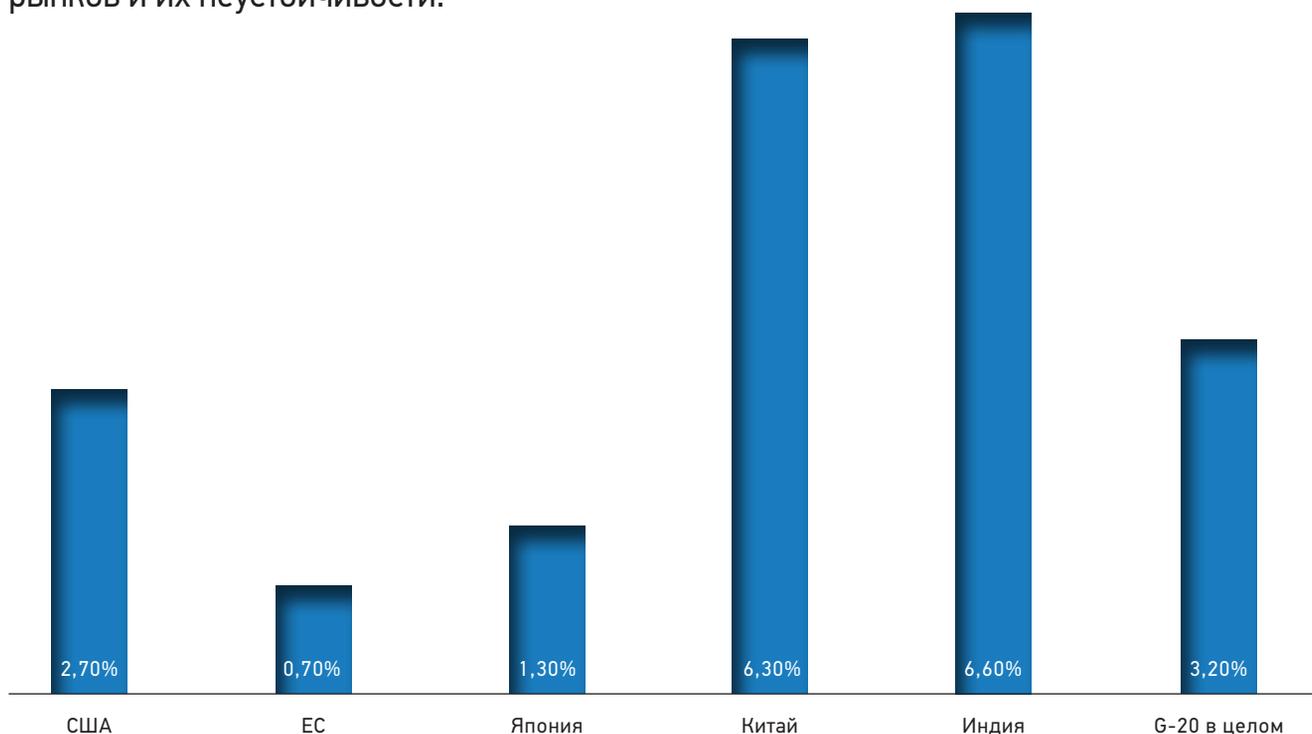

Рис. 3. Темпы роста стран G-20 при сценарии 2

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

Сценарий 3. Глобальное замедление. Этот сценарий предполагает общее замедление развития мировой экономики до 2,9% в год, что несколько ниже исторического уровня прошедших тридцати лет (рис. 4).

Этот рост будет особенно зависеть от динамики развивающихся рынков. К концу 2025 г. объем мировой экономики может достигнуть 86 трлн долл. в ценах 2015 г. При этом структурные проблемы в большинстве своем останутся нерешенными. Китаю удастся частично избежать «жесткой посадки», и его доля в мировом ВВП составит 23%.

Сценарий 4. Региональные кризисы, дивергенция и медленный рост. При этом сценарии экономический рост затухает, и мировой ВВП оказывается к 2025 г. на 11 трлн долл. ниже, чем при оптимистическом сценарии 1 (рис. 5).

Развитие региональных кризисов связано с теми странами, где структурные реформы приостанавливаются, а совокупный спрос, особенно в развитых странах, не выходит на устойчивую траекторию. Реальные процентные ставки остаются в негативной зоне, однако волатильность рынка и его неопределенность ограничивают инвестиционный рост. Общий объем инвестиций в основной капитал стран двадцатки при этом сценарии едва составит половину от уровня благоприятного первого сценария.

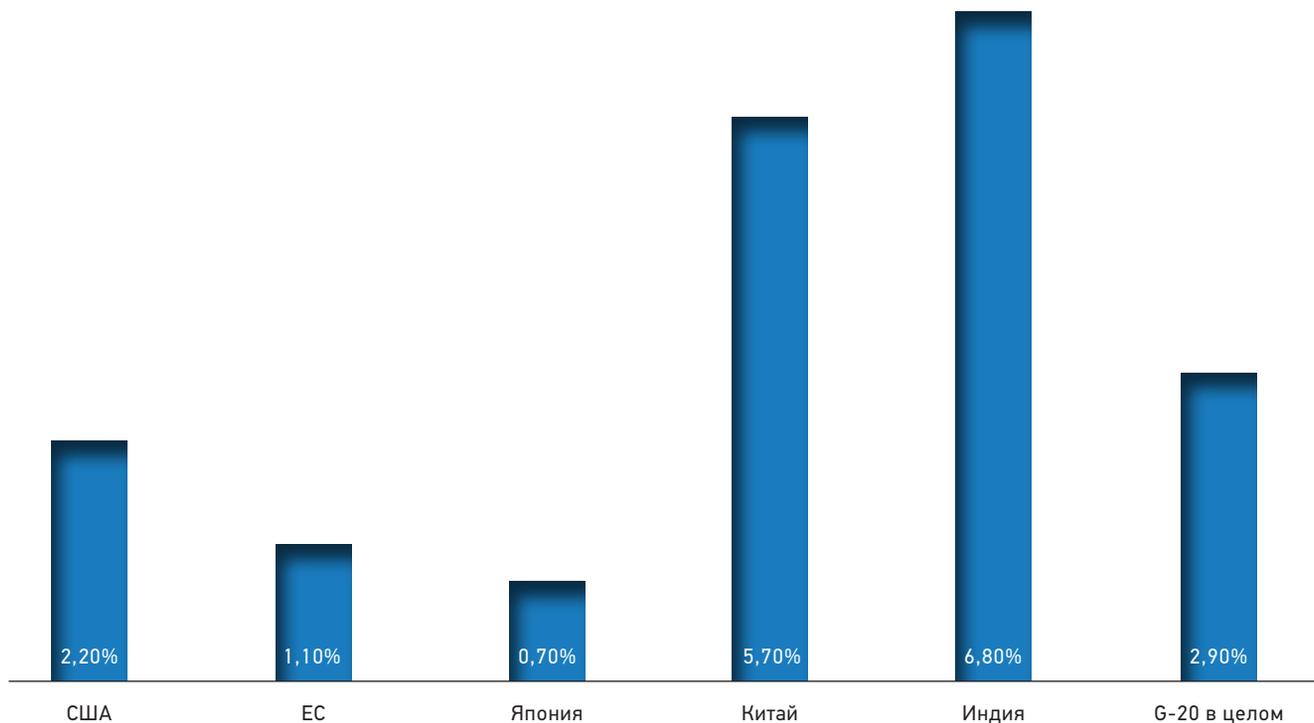

Рис. 4. Темпы роста стран G-20 при сценарии 3

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015.

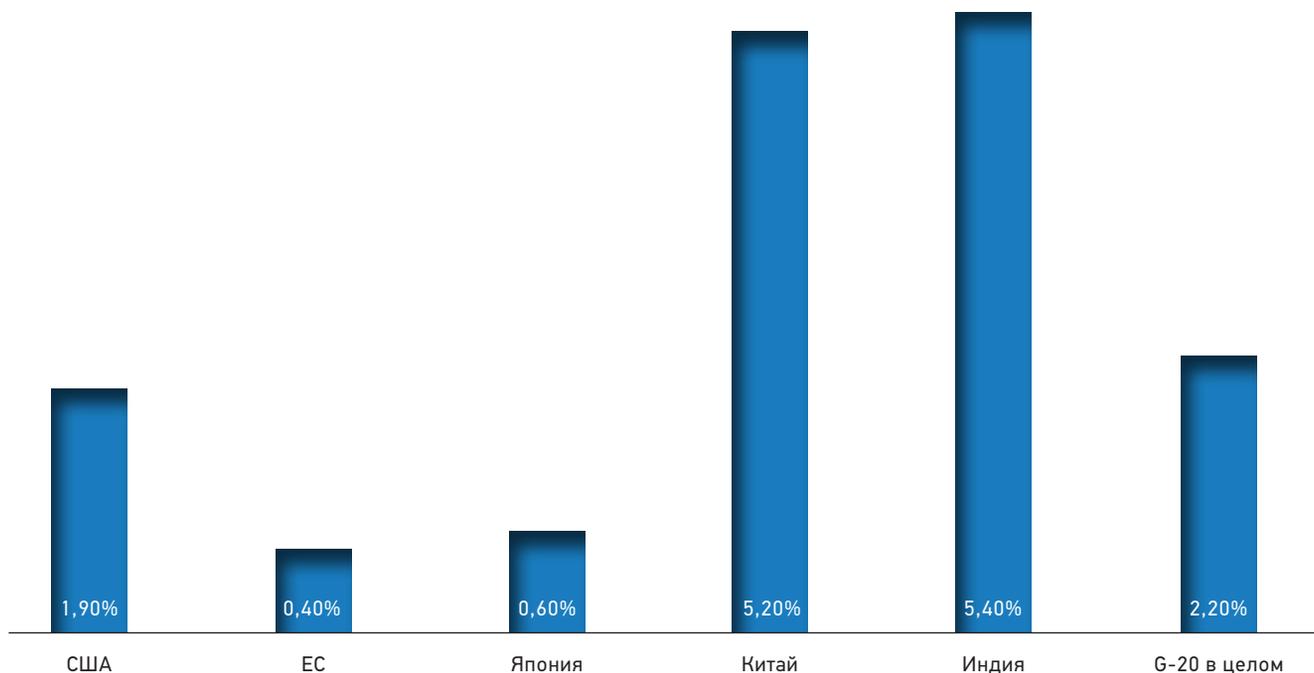

Рис. 5. Темпы роста стран G-20 при сценарии 4

Источник: Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015-2025. McKinsey&Company, September 2015

При недостатке стимулов инвестиции компаний в НИОКР и инновации стагнируют и ограничиваются лишь небольшой группой стран. Диффузия технологий также замедляется с замедлением экономического роста. Расширяются прямые и косвенные ограничения на слияния и поглощения, ужесточается регулирование международной торговли. В результате доля экспорта в ВВП стран G-20 увеличивается лишь немного — с 25 до 29%. Замедляется рост занятости, в странах двадцатки добавляется на 60 млн новых рабочих мест меньше, чем при наиболее оптимистичном сценарии. Как и в 1980-е годы, наблюдается избыточное предложение нефти на глобальном рынке, что удерживает мировые цены на нее на стабильно низком уровне достаточно длительное время.

При этом сценарии мировая экономика остается в наибольшей степени подвержена экономическим шокам, особенно со стороны финансовой системы.

В долгосрочной перспективе на глобальную экономику, по мнению экспертов компании McKinsey, будут оказывать влияние три взаимосвязанных между собой фактора: совокупный спрос, структурные проблемы и дивергенция моделей экономического роста. Политика стимулирования совокупного спроса будет связана с достижением устойчивой макроэкономической стабильности в условиях неопределенности и неустойчивости сырьевых цен. К долгосрочным структурным вызовам мировой экономики относятся растущие долговые обязательства, старение населения и неудовлетворительное состояние инфраструктуры. Наконец, в последние годы выявилась тенденция расхождения путей и моделей экономического развития различных стран. В прошлом процесс глобальной интеграции приводил к конвергенции в этой области. Теперь же перспективы дальнейшей интеграции становятся менее определенными.

Большая часть экономического роста последних десятилетий была обусловлена ростом населения и, соответственно, рабочей силы. Оценки экспертов The Economist Intelligence Unit говорят о резком замедлении прироста населения: с 1,3% в 1991–2000 гг. до 0,9% в 2011–2018 гг. и до 0,25% в 2041–2050 гг. Сокращение темпов роста населения в трудоспособном возрасте ожидается еще более значительным: до 0,15% по сравнению с 1,7% в 1991–2000 гг. и 0,8% в 2011–2018 гг. (рис. 6).

В большинстве стран Европы и Восточной Азии будет наблюдаться сокращение численности рабочей силы, что явится серьезным сдерживающим фактором экономического роста. Наиболее заметной эта тенденция будет в Японии, где численность рабочей силы может сократиться с 66 млн чел. в 2014 г. до 47 млн чел. в 2050 г. (рис. 7).

Китай и Южная Корея потеряют 17–18% своей рабочей силы. В Германии численность рабочей силы сократится с 45 до 35 млн чел., в Португалии — с 5,2 до 4,2 млн, в Греции — с 4,8 до 3,8 млн. В развивающихся странах Европы (за исключением Казахстана и Турции) будет наблюдаться та же тенденция: рабочая сила сократится в диапазоне 20–30% (в наибольшей степени — на Украине).

В этой связи в будущем между странами обострится конкуренция за привлечение ограниченных глобальных источников рабочей силы, что выразится не только в рас-

Рис. 6. Темпы прироста численности населения, в том числе в работоспособном возрасте, в 1991–2050 гг., %

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

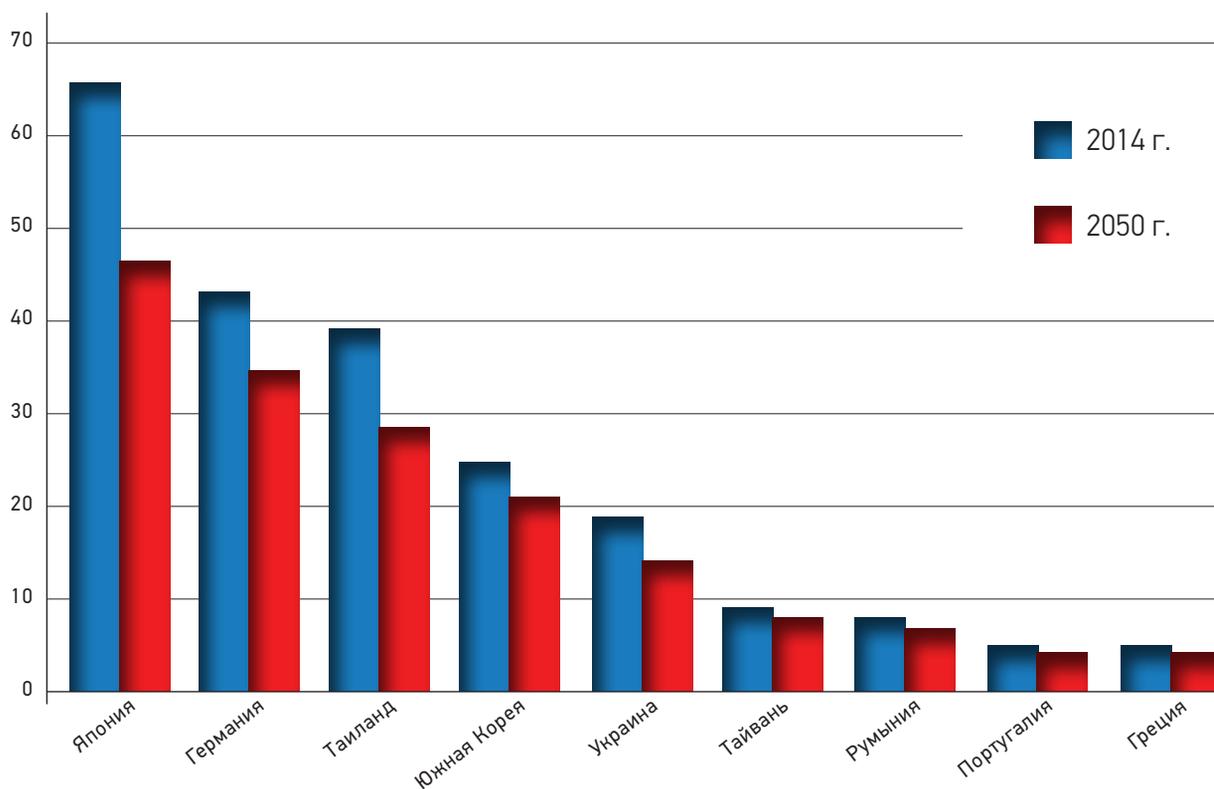

Рис. 7. Ожидаемое наибольшее снижение численности рабочей силы в ряде стран мира, млн чел.

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

ширении участия в производстве ранее незадействованных слоев населения, но и в более активной иммиграционной политике.

В последние 50 лет демографический бум обеспечивал ежегодный рост глобального ВВП на уровне 1,8% [Global Growth...]. Теперь действие этого фактора развития подходит к концу. По оценкам компании McKinsey, снижение темпов прироста мирового ВВП с 2015 до 2050 г. составит 40%, а ВВП на душу населения — на 20%. Это снижение ожидается неравномерным по разным странам. Среди развитых стран наибольшее сокращение темпов ожидается в Канаде и Германии. Среди развивающихся в зоне риска находятся Саудовская Аравия, Бразилия и Россия (таблица 3).

Таблица 3

Потенциальное изменение темпов прироста ВВП с 2015 до 2050 г., %

Развитые страны		Развивающиеся страны	
Великобритания	-10	Нигерия	+7
Франция	-18	Турция	-23
США	-34	Индия	-27
Япония	-36	Южная Африка	-30
Италия	-36	Китай	-30
Австралия	-36	Индонезия	-32
Южная Корея	-39	Аргентина	-37
Германия	-52	Бразилия	-60
Канада	-53	Россия	-60
		Саудовская Аравия	-73

Составлено: Where to look for global growth. McKinsey Quarterly, January 2015.

Единственная возможность предотвратить негативные последствия торможения мировой экономики связана в перспективе с повышением производительности, способной поддержать экономический рост и выполнить поставленные цели по сокращению бедности в развивающихся странах и выполнению социальных обязательств в развитых.

Эксперты компании McKinsey оценили потенциал повышения производительности в нескольких отраслях глобальной экономики, таких как сельское хозяйство, пищевая промышленность, автомобилестроение, розничная торговля и здравоохранение. Большая часть таких возможностей принадлежит развивающимся странам (рис. 8).

Сельское хозяйство. Производительность труда в сельском хозяйстве, на которое приходится только 4% всех занятых в развитых странах и до 40% в развивающихся, может вырасти к 2025 г. в два раза. Наибольшие возможности механизации производства существуют, разумеется, в развивающихся странах, где, по оценкам ООН, доля ручного труда при выращивании зерновых культур составляет 30–40%. В развитых странах, где существуют более крупные хозяйства, более высокий уровень механизации и длительная практика использования удобрений, гербицидов и пестицидов, по-

вышение производительности связано с внедрением передовых технологий, высокоточных прецизионных датчиков и спутниковых данных для повышения урожайности культур.

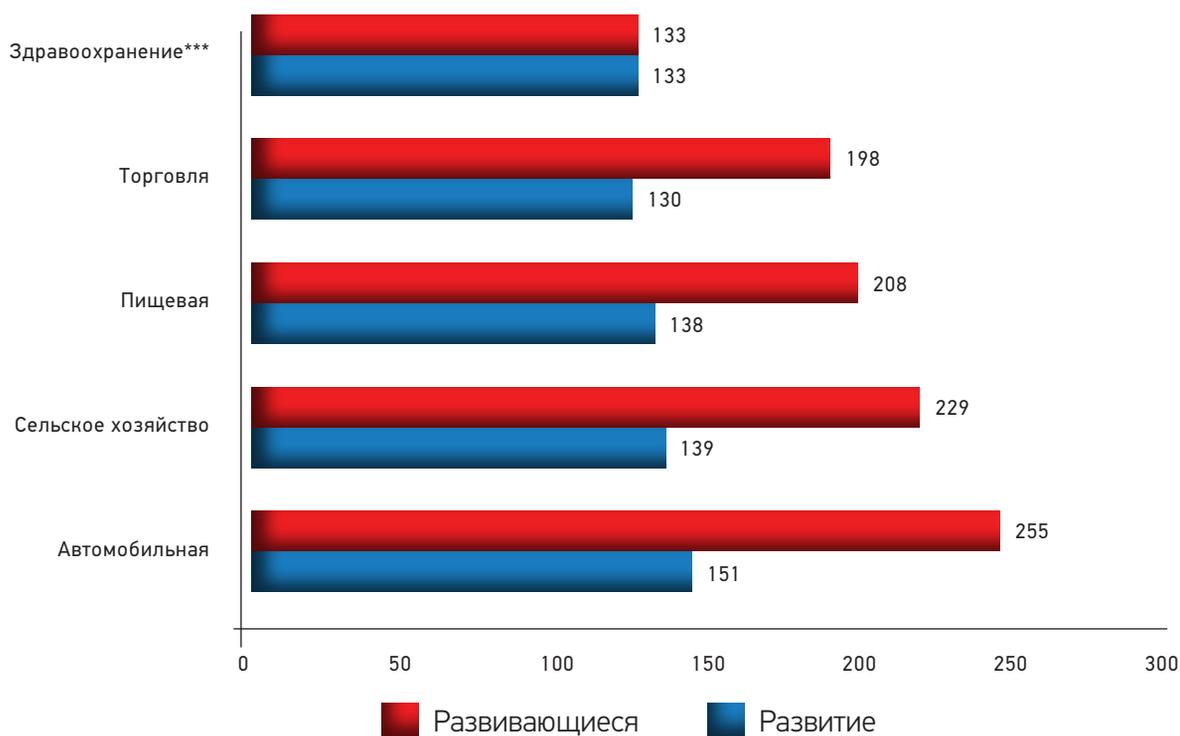

Рис. 8. Потенциал роста индекса производительности в отраслях мировой экономики к 2025 г.* (базовый год** – 100)

* Расчеты для Бразилии, Китая, Германии, Индии, Японии, России, Великобритании и США.

** 2015 г.

*** По здравоохранению отдельных данных для развитых и развивающихся стран нет. Оценки базируются на показателях возможностей сокращения издержек предоставления услуг того же качества и в тех же объемах, что и в базовом периоде.

Составлено: Where to look for global growth. McKinsey Quarterly, January 2015.

Пищевая промышленность. В глобальной пищевой промышленности уровень производительности на 20% выше, чем в среднем по мировой экономике; однако здесь существуют значительные межстрановые различия. В этой отрасли производительность может вырасти на 60% — прежде всего в развивающихся странах, за счет совершенствования производственного процесса: бережливого подхода, укрупнения мощностей, использования эффекта масштаба.

Автомобильная промышленность. В этой отрасли производительность на 95% выше, чем в целом по миру. Здесь также фиксируются значительные различия между странами, связанные с эффективностью работы поставщиков компонентов второго и третьего уровней. Так, в Индии уровень производительности в автомобилестроении

составляет менее 30% от американского уровня. По оценкам McKinsey, производительность в этой отрасли к 2025 г. (по сравнению с 2015 г.) может вырасти на 90%. Наибольший рост ожидается в Китае и Индии, где уже трудится 40% всех автомобильных специалистов мира.

Розничная торговля. В большинстве стран на долю розничной торговли приходится от 5 до 12% всех занятых в экономике. Уровень производительности в этой отрасли на 30% ниже, чем в среднем по другим отраслям глобальной экономики. Кроме того, в этой отрасли существуют значительные различия между развитыми и развивающимися странами, а также между странами с одинаковым уровнем ВВП. Возможности повышения производительности здесь связаны с тремя направлениями: повышением удельного веса наиболее производительных форматов торговли, сокращением разрыва между наименее и наиболее производительными торговыми точками в одном и том же формате, дальнейшим повышением эффективности наиболее производительных единиц за счет использования новых технологий.

Здравоохранение. Расходы на здравоохранение достигают 10% ВВП в странах ОЭСР и в среднем 6% в четырех ведущих развивающихся странах — Бразилии, Китае, Индии и России. Эти расходы растут более высокими темпами, чем глобальный ВВП. По оценкам McKinsey, к 2025 г. страны имеют возможность сократить издержки в этой сфере на 25% без снижения качества и своевременности предоставления медицинских услуг. Это осуществимо за счет использования лучших практик оказания помощи и снабжения лекарствами, снижения числа клинически неэффективных процедур, развития инновационных моделей предоставления медицинской помощи (вне больниц, с использованием новых цифровых технологий и т.п.).

По показателю номинального ВВП Китай обгонит США уже в 2026 г. Индия, как ожидается, поднимется с 9-го на 3-е место в мире, ее темпы экономического роста составят в среднем около 5% в год. В десятку ведущих стран мира войдут также Индонезия (переместившись с 16-го на 4-е место) и Мексика (с 15-го на 8-е место). Позиции же Японии и стран Западной Европы будут постепенно ослабевать. Япония опустится с 3-го места на 5-е, Германия — с 4-го на 6-е, Великобритания — с 5-го на 9-е, Франция — с 6-го на 10-е, Италия же может вообще не войти в десятку ведущих стран мира (рис. 9).

Рассмотренные в статье тенденции и сценарии развития исходят из того, что ведущие экономики мира стоят перед серьезными структурными проблемами. Урбанизация и старение населения сдвигают экономическое развитие в сторону развивающихся стран. Остается неопределенность с будущим международной торговли и информационных потоков, определяющих перспективы тех или иных отраслей экономики. Волатильность и шоки являются неперенным атрибутом современной мировой экономики. Так, повышение процентных ставок в США привело к резкому росту доходности американских облигаций и оттоку инвестиций с развивающихся рынков. По оценкам Мирового банка, в результате этого финансовые потери развивающихся стран в пересчете на ВВП составили сотни миллиардов долларов. Понимание подобных шоков и успеш-

ное противостояние им на национальном и глобальном уровнях позволяет принимать более эффективные решения о вхождении на рынки, новых инвестициях, в конечном итоге — обеспечивать более устойчивый экономический рост.

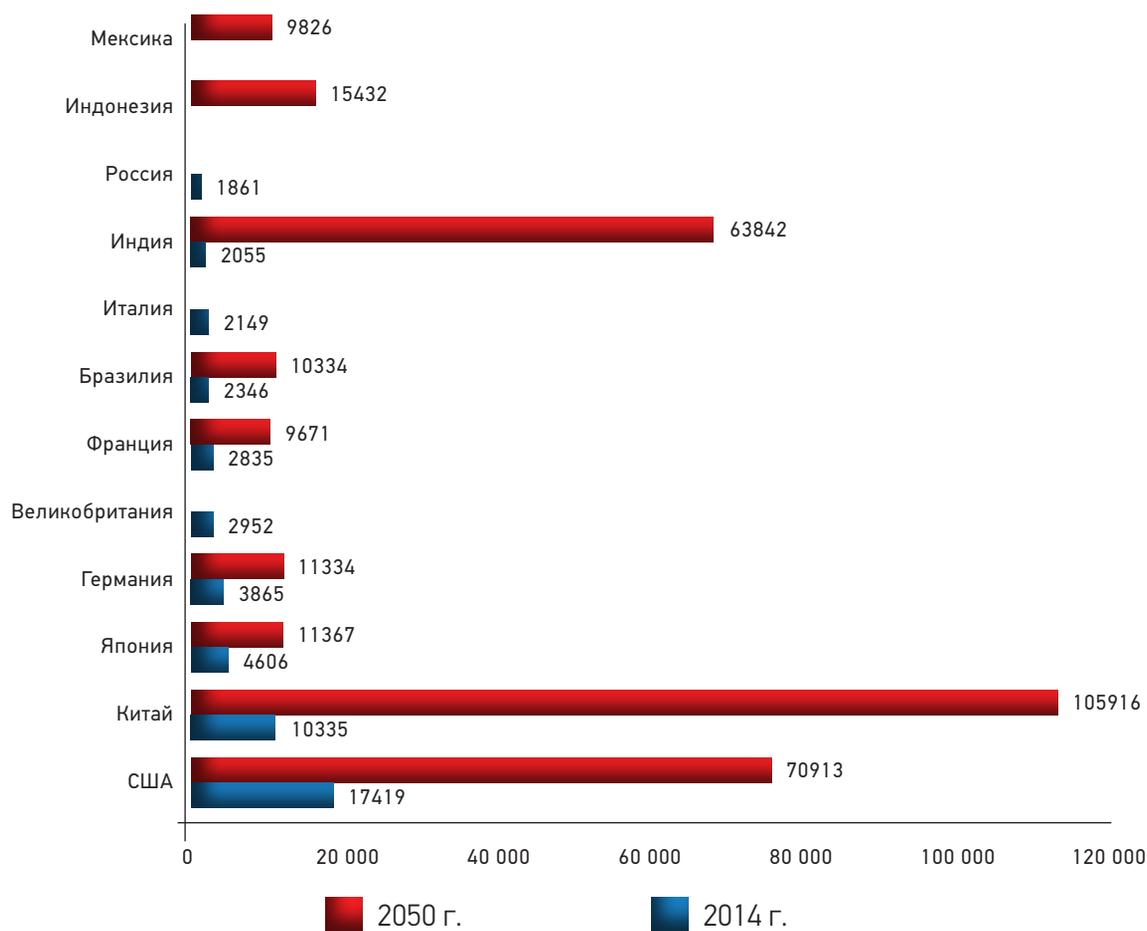

Рис. 9. Ведущие экономики мира по номинальной стоимости ВВП, млрд долл.

Источник: Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050. The Economist Intelligence Unit, 2015.

Литература

Кондратьев В. Конец глобализации, или к новому капитализму // Перспективы. Электронный журнал. 2017. №2(10). — URL: http://perspektivy.info/upload/iblock/541/2_2017_2.pdf (date of access: 03.10.2018).

ФРС США повысила базовую ставку до 2–2,25% годовых // РИА Новости. 26.09.2018. — URL: ria.ru/economy/20180926/1529421223.html (date of access: 03/10/2018).

Debt and (not much) deleveraging. McKinsey Global Institute, February 2015 // McKinsey & Company. — URL: mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/debt-and-not-much-deleveraging (date of access: 03.10.2018).

Dobbs R., Manijka J., Woetzel J. No Ordinary Disruption: The Four Global Forces Breaking All the Trends. N.Y. 2015

Enriquez L., Smit S., Ablett J. Shifting tides: Global Economic scenarios for 2015–2025 // McKinsey & Company, September 2015. — URL: mckinsey.com/business-functions/strategy-

- and-corporate-finance/our-insights/shifting-tides-global-economic-scenarios-for-2015–25 (date of access: 03.10.2018).
- Global Growth: Can productivity save the day in an aging world? McKinsey Global Institute 2015. — URL: assets.mckinsey.com/~media/B07C74E1DE934BB7AD8C1E5263C6B2F8.ashx (date of access: 03.10.2018).
- Long-term macroeconomic forecasts. Key trends to 2050 // The Economist Intelligence Unit. 2015. — URL: espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/Long-termMacroeconomicForecasts_KeyTrends.pdf (date of access: 03.10.2018).
- Regional economic outlook: Middle East and Central Asia. International Monetary Fund. 2015. — URL: imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/mcd/eng/pdf/mreo1015.pdf (date of access: 03.10.2018).
- Where to look for global growth // McKinsey&Company. January 2015. — URL: mckinsey.com/featured-insights/employment-and-growth/where-to-look-for-global-growth (date of access: 03.10.2018).
- World Economic Outlook July 2018 // International Monetary Fund. Wash. D.C. — URL: imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/07/02/world-economic-outlook-update-july-2018 (date of access: 03.10.2018).